
Н.Е. Тихонова, В.А. Аникин,
С.В. Горюнова, Ю.П. Лежнина
(Москва)

КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В РАБОТАХ КЛАССИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹

В статье рассматривается первый этап развития концепции модернизации, связанный с теоретиками второй половины XIX – начала XX вв. Проанализированы идеи классиков социологической мысли, сформировавших основу данной концепции – К. Маркса, М. Вебера, Г. Спенсера, Ф. Тённиса. На основе проведенного анализа получен список основных признаков традиционных и современных обществ, который позволяет разрабатывать эмпирические индикаторы степени модернизированности общества.

Ключевые слова: концепция модернизации, традиционные общества, современные общества.

Основой формирования теоретических основ концепции модернизации на первом этапе ее развития стал широкий пласт идей и подходов, разрабатывавшихся в социальных науках конца XVIII –

Наталья Евгеньевна Тихонова – зам. директора Института социологии РАН, доктор социологических наук, профессор ГУ–ВШЭ. E-mail: netichon@mtu-net.ru.

Василий Александрович Аникин – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: vazs@mail.ru.

Светлана Владимировна Горюнова – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: texasgirl@bk.ru.

Юлия Павловна Лежнина – научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: lezhnina@mail.ru.

¹ Статья является первой частью анализа истории и эвристического потенциала концепции модернизации применительно к российским условиям, проведенного в рамках работы по проектам: № 06-04-0043 – Научный фонд ГУ–ВШЭ, № 06-03-00558a – РГНФ.

начала XX вв., прежде всего – теории прогресса, эволюционизма и функционализма. С последним была связана и дальнейшая разработка этой теории. И хотя в широкое употребление само понятие «модернизация» было введено лишь в 1950-х гг., в основе пришедшего на третью четверть прошлого века этапа разработки концепции модернизации лежали многие идеи Маркса, Вебера, Дюркгейма, Тённиса и др. В этой связи вряд ли правомерным является распространенное заблуждение, в силу которого разработка теории модернизации ассоциируется не с классиками социологии, а с американскими социологами середины XX в., с которыми связан был лишь второй этап развития концепции модернизации, наступивший в середине XX в., на смену которому пришли и третий (1970–1980-е гг.), и четвертый (с конца 1980-х гг. по настоящее время) этапы развития этой концепции.

Статья посвящена рассмотрению именно первого этапа формирования концепции модернизации, особенно важного для понимания ее теоретических истоков и эволюции развития. Прежде чем перейти непосредственно к данной задаче, объясним, почему в настоящее время представляет интерес рассмотрение концепции модернизации. Дело в том, что попытки осмыслить суть происходящих в России в последние десятилетия перемен, определить основной вектор развития страны, неизбежно упираются в необходимость выбора теоретического подхода, в рамках которого будет происходить анализ основных тенденций развития российского общества. Если предметом интереса выступает вектор развития страны в глобально-историческом масштабе, необходимо искать теоретические инструменты высокой степени общности. Насколько адекватен для решения этой задачи модернизационный подход? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего разобраться, в чем заключается суть концепции модернизации и насколько она применима в современных российских условиях. Это предполагает рассмотрение ключевых моментов ее эволюции и выявление основных признаков традиционных и мо-

дернизированных обществ, сформулированных в ходе развития этой концепции. Такой анализ тем более необходим, что при всей остроте теоретических и идеологических споров вокруг проблемы модернизации в русскоязычной литературе практически отсутствует систематическое изложение сути и эволюции этой концепции. Уточнение смысла концепции модернизации позволило бы если и не избежать такого рода споров вообще, то значительно снизить их остроту, одновременно повысив результативность.

Отдавая себе отчет в сложности и масштабности поставленной задачи и не претендуя на всеобъемлющее ее освещение, в данном материале хотелось бы *обозначить лишь основные вехи развития концепции модернизации и ее эвристические возможности применительно к российским реалиям, особенно – в части проблематики социокультурной модернизации, которая в последние годы привлекает все большее внимание российских исследователей.* Под социокультурным аспектом модернизации (или, точнее, социокультурной модернизацией) мы подразумеваем *формирование определенного типа сознания и детерминируемых им поведенческих практик индивидов, влекущее за собой соответствующее изменение общественных институтов.* Без формирования нового типа личности, являющегося продуктом социокультурной модернизации, никакие модернизационные инициативы, разработанные на макроуровне, не могут быть продуктивными в силу отсутствия их поддержки на микроуровне – ситуация, с которой уже неоднократно сталкивалась Россия в своей истории: достаточно вспомнить в этой связи попытки реформ времен Петра I, столыпинские реформы или события последних лет.

Подчеркнем, что о модернизации можно говорить в различных смыслах¹. Во-первых, под ней иногда подразумевают все

¹ Близкую классификацию трактовок понятия «модернизация» предложил и П. Штомпка [2, с. 170].

прогрессивные социальные изменения, когда общество движется к улучшению по той или иной шкале этих изменений.

Во-вторых, термин «модернизация» периодически используется применительно к странам бывшего «третьего мира», чтобы подчеркнуть их противоположность современной западной цивилизации, и означает при этом действия и усилия этих стран, направленные на то, чтобы сократить существующий разрыв между ними и развитыми странами. В этом случае модернизация ассоциируется скорее с движением по осям «Запад – Восток», «Север – Юг», «Центр – Периферия» и т.п.

В-третьих, понятие модернизация (*modernization*) употребляется как синоним движения к «современности» (*modernity*) и в этом случае означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и т.п. трансформаций, которые происходили на Западе начиная с XVI в. и достигли апогея в XIX – начале XX вв. В этом смысле термин включает в себя *своего рода скачок в социальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого ранее аграрные, традиционные общества становятся современными, «модернизированными»*. Суть такого перехода гораздо шире, чем простое смещение акцентов с аграрного производства на промышленное. В понятие модернизации в этом случае включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, распространения индивидуализма и т.д. Характеристики пути этого перехода и определение самого модернизированного общества как результата процесса модернизации, как будет показано ниже, были у авторов различными.

Рассмотрим более подробно то понимание модернизации, которое представляется наиболее перспективным применительно к российским условиям, а именно трактовку *модернизации как качественного скачка в состоянии общества, возникновения нового его типа, связанного с переходом от традиционных к современным типам обществ*. Сначала проанализируем различ-

ные стороны эволюции этой концепции, сопряженные с разработкой ее классиками социологической мысли, а затем, во второй статье, – ту доведенную почти до состояния «фаст-фуда» ее версию, которая связана с американскими функционалистами, которые, впрочем, и этого нельзя отрицать, сделали многое для ее более детальной проработки и конкретизации отдельных ее сторон. Далее объясним, почему проблема модернизации, и прежде всего – социокультурной модернизации, актуальна для России, и как оценивается различными российскими учеными (социологами, экономистами, философами, психологами) ситуация, сложившаяся в этой области. Подобный анализ позволит не только глубже понять истинный смысл концепции модернизации и ее потенциальные эвристические возможности применительно к российским условиям, но и выйти на *операционализацию основных признаков перехода к современному типу обществ и показателей социокультурной модернизации*, т.е. степени модернизированности сознания и поведения рядовых россиян¹.

Итак, концепция модернизации имеет глубокие исторические и теоретические корни. Уже в XVII в.² идеология модерна была представлена в Европе достаточно широко, что во многом было

¹ В этой связи надо отметить, что попытки применения теории модернизации на эмпирическом уровне уже неоднократно предпринимались в различных странах, в том числе и в России. Уместно вспомнить многолетние исследования динамики самоидентификаций под руководством В. Ядова, динамики ценностных систем под руководством Н. Лапина, трудовых ценностей и мотиваций под руководством В. Магуна и т.д.

² Некоторые авторы, например Н. Лапин, относят предпосылки возникновения идеологии модерна (которую сам Н. Лапин называет, впрочем, ранней либерализацией, перенося тем самым акцент на сторону процессов модернизации, связанную с конкретной личностью, и противопоставляя традиционализму либерализм, а не модернизи) в ее европейском варианте, наряду с которыми он выделяет также азиатско-этактистскую и евразийскую модели либерализации, еще к началу Нового времени, т.е. к эпохам раннего Возрождения и Реформации – хронологически это примерно середина XV в. [3, с. 220–246].

связано с распространением в ней протестантских движений. В эпоху Просвещения программа «самоосуществления разума в истории» стала идеологическим основанием, и, в этом смысле, движущей силой, масштабных изменений в западном обществе. Человеческая личность и ее свобода оказались центральными ценностями нового мировоззрения. Изменения отразили преобразования, которые претерпела реальная жизнь общества той эпохи – развитие городов и мануфактур, дифференциация социальных структур и институтов общества, плюрализация интересов основных социальных групп и т.д., и стимулировали новые изменения.

Подобные тектонические преобразования, отчасти протекавшие на глазах многих из тех, кого мы сегодня называем классиками социологии, не могли пройти мимо их внимания. Каждый из них фиксировал те особенности этих изменений, которые казались ему наиболее важными. Одни давали системный анализ этого качественного скачка, другие же фиксировали лишь некоторые его особенности. В любом случае, никто не дал исчерпывающей его картины, и только суммировав их взгляды, можно получить хоть сколько-нибудь полное представление об этом грандиозном рывке в истории человечества, сопоставимого по своим масштабам с переходом от кочевого к оседлому образу жизни и развитием земледелия.

Одним из первых концепцию модернизации, хотя и не пользуясь еще этой терминологией, систематически начал разрабатывать К. Маркс. В его работах модернистский проект получил фундаментальную проработку¹. Наиболее систематичное изложение его взглядов по этому вопросу представлено в рукописях 1857–1859 гг. Описывая в разделе «Формы, предшествующих капиталистическому производству» механизм формирования об-

¹ Учитывая как этот факт, так и то обстоятельство, что, в отличие, например, от работ М. Вебера, работы К. Маркса известны молодому поколению социологов в гораздо меньшей степени, в данной статье мы уделим им особое внимание.

ществ современного типа, он показал, что этот процесс *носил системный характер и затронул все сферы жизни общества.*

Для понимания этого аспекта взглядов Маркса необходимо учитывать, что для него это была отнюдь не абстрактная теоретическая проблема. Он жил в эпоху завершения процессов модернизации в относительно отсталой в то время Германии, став очевидцем и участником революции 1848 г., ознаменовавшей попытку оформления нового социального порядка в адекватные политические и правовые формы. В этих условиях он «кожей чувствовал», что значит переход от традиционного общества к обществу модерна, который в его терминологии означал разложение докапиталистических и формирование капиталистических форм производственных отношений.

Характеристику докапиталистических форм общественных отношений Маркс давал, не просто отталкиваясь от экономической их составляющей, но и подчеркивая, что *постановка во главу угла именно экономических соображений сама по себе является продуктом исторического развития, и в докапиталистических обществах отнюдь не вопросы экономической целесообразности определяли поведение социальных субъектов – от индивидов до государств.* Вот почему, анализируя докапиталистические формы обществ, он выделял следующие их характерные особенности.

Целью и основой развития докапиталистических типов обществ является *воспроизводство производителя в объективных условиях его существования и вместе с ними, а не богатство, которое, к тому же, всегда имеет здесь вещную форму* [4, с. 467, 474, 475, 485]. «Для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, – писал Маркс, – а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины» [4, с. 467].

Базис экономического строя обществ докапиталистического типа образует *земельная собственность*, даже если это фор-

мально не закреплённая предпосылка производственной деятельности, как, например, у кочевников и скотоводов [4, с. 472–473]. Соответственно, присвоение условий труда происходит в этих типах обществ не при посредстве труда, а *предшествует труду в качестве его предпосылки*, причем «главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа*» [4, с. 473], с одной стороны, и принадлежность к общине, владеющей ею, с другой [4, с. 487].

Способ организации отношений собственности, при котором *первоначальной и основной формой собственности выступает непосредственная общая собственность* на природные условия существования, является доминирующим во всех характерных для этого этапа развития типах общин – азиатской, античной и германской. Только как член общины индивид может рассматривать природу как естественную предпосылку своего существования и деятельности, на что не имел права «чужак», оказавшийся во владениях общины.

Характерной особенностью азиатской формы общин и ее модифицированной формы, которая, как полагал Маркс, преобладала у славян [4, с. 487]¹, выступает общность всей значимой для воспроизводства жизни общины собственности. Причем это *воплощенное в общей собственности «единое начало общины» персонифицируется*, олицетворяется в некоем «высшем собственнике» или даже «единственном собственнике», «в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*» [4, с. 463]. Так как персонифицированное в этом высшем собственнике единое начало общности воспринимается как пред-

¹ Проблема так называемого азиатского способа производства и применимости этой категории к анализу истории России последнего тысячелетия еще в советское время вызывала большой интерес и активные дискуссии. Не предвещая исход этих дискуссий, подчеркнем, что и на наш взгляд учет особенностей этого типа общин представляет особый интерес для анализа российской ситуации.

посылка существования всей общности, то и сам он может представляться чем-то почти сакральным, а отдельный член общины всегда является не более чем временным владельцем какой-то части общей собственности. Впрочем, речь всегда идет при этом только о природных предпосылках существования и деятельности общины, а не об индивидуальных орудиях труда, жилищах и т.д., которые при этой форме собственности всегда находятся в собственности отдельных лиц [4, с. 474, 481]. Маркс специально подчеркивал также, что ряд особенностей этого типа общин (то, что отдельный человек не является самостоятельным по отношению к ней, что объем производства всегда рассчитан только на обеспечение собственного существования, а следовательно, при условии обеспечения себе приемлемого и привычного уровня жизни, любые дополнительные усилия прекращаются, что тормозит общественное развитие и разложение этого типа обществ и т.д.) приводят к тому, что именно эта форма общественных отношений держится «всего упорнее и всего дольше» [4, с. 474, 482].

Характерной особенностью античной формы общин является то, что «она выступает в двоякой форме – как государственная собственность и наряду с ней как частная собственность, но так, что... только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование» [4, с. 474].

Характерной особенностью германской формы общин выступает то, что общая собственность в ней только дополнение к индивидуальной собственности. Община выступает здесь уже не как единое начало, а как *объединение*, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, плюс к которой есть также общинные земли. «Экономическим целым здесь является *каждый отдельный дом*, который, сам по себе, образует самостоятельный центр производства» [4, с. 470].

Тип личности и ее отношения к себе и окружающим, характерные для этого этапа общественного развития, детерминиру-

ется тем, что во всех этих формах присутствует по-разному проявляющееся единство труда с его вещными предпосылками. Соответственно, «индивид относится к самому себе как собственник, как господин условий своей действительности. Подобным же образом относится он к другим индивидам», в результате чего «индивиды ведут себя не как рабочие, а как собственники и как члены того ли иного коллектива, которые в то же время трудятся» [4, с. 461–462]. Однако из-за ориентации на воспроизводство, а не развитие определенного общественного уклада, здесь «*немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества*, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением» [4, с. 475].

Промышленный труд выступает на этом этапе в своей особой форме – *ремесленного труда*, при котором труд еще «наполовину искусство, наполовину самоцель» [4, с. 487], но отнюдь не только средство заработка. Как земельная собственность предполагает общину, так эта форма промышленного труда предполагает наличие цехов, гильдий и т.п. форм организации.

Темпы развития общества обусловлены тем, что «главной целью производства выступает обеспечение существования самого работника и/или его господина и преобладает производство для непосредственного потребления» [4, с. 493], т.е. производство потребительной, а не меновой стоимости. Соответственно, *развитие как производительных сил, включая самого работника, так и производственных отношений происходит очень медленно*. «Производство... всюду подчинено потреблению, являющемуся его заранее данной предпосылкой, предложение подчинено спросу и расширяется лишь очень медленно» [4, с. 504].

Отношения города и деревни характеризуются тем, что основное производство сосредоточено в сельской местности, а города играют лишь вспомогательную роль – это «государевы станы» и центры сосредоточения внешней торговли, как при азиатском способе производства, или центры проживания земледельцев

(и земельных собственников), включающие в себя окружающую сельскую местность, как в античности. При германской форме собственности отправной точкой истории служит деревня, «дальнейшее развитие которой протекает затем в форме противоположности города и деревни» [4, с. 470], при котором появляется возможность перехода ведущей роли в этой противоположности от деревни к городу.

Кроме выделенных выше, характеристики различных сторон жизни докапиталистических обществ включали, согласно Марксу, и особенности семейных отношений в различных типах обществ, и специфику природы господства в них, и многое другое, на чем, естественно, мы просто не можем в силу объема статьи здесь останавливаться.

Марксом был подробно описан также процесс разложения традиционного общества и соответствующего ему способа производства. Не приводя полностью это описание, отметим, что среди основных характерных черт нового типа обществ им назывались следующие (см. [4, с. 496-497]).

Целью и основой развития капиталистического общества является приращение богатства ради него самого, производство прибавочной стоимости. Однако, как писал по этому поводу Маркс, призывая посмотреть на проблему приращения богатства с другой стороны, «на самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивида, созданной универсальным обменом?». В то же время «в буржуазной экономике... это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс опредмечивания – как полное отчуждение» [4, с. 475–476].

Базис экономического строя обществ капиталистического типа образует не земля и природа в их непосредственном вещественном бытии, а капитал как особое общественное отношение,

хотя и приобретающее различные вещественные формы. Природа перестает восприниматься как простое продолжение самого работника и его «неорганическое тело», *взаимоотношения человека и природы коммерциализируются*. Из почти сакрального условия существования общности (общины) и каждого конкретного человека, естественной основы его жизни и труда она становится чем-то представляющим чисто инструментальный интерес. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что природа как самостоятельный сложно организованный организм, элементом которого выступал человек, исчезает. Наоборот, отдельные компоненты возобновимых и невозобновимых природных ресурсов становятся элементами создаваемой человеком техносферы, а сельскохозяйственное производство – разновидностью фабричного, чему сопутствует его рационализация, интенсификация и т.д. *С переходом от традиционных обществ к современным качественно меняется сам тип отношений общества и природы*, в них смещается точка отсчета.

Способ организации отношений собственности определяется тем, что на место общинной собственности приходит частная собственность на средства производства, которую имеют все члены общества. Однако если для одних это лишь собственность на свою рабочую силу, себя как свободного работника, то другие располагают собственностью на капитал в таких его видах, как заводы, денежные средства и т.д. В итоге, в силу исчезновения у него орудий труда, работник становится зависим от их собственников, с которыми он вынужден вступать в договорные отношения, и только это позволяет ему поддерживать условия своего существования. Труд превращается в этих условиях лишь в средство заработка.

Тип личности, характерный для этого этапа развития, – это личность, находящаяся в непрерывном саморазвитии. «Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а воспроизводит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в аб-

солотном движении становления» [4, с. 475–476]. Следствием этого развития внутренних сил человека выступает рост степеней его свободы, в современной терминологии – плюрализация его возможных жизненных траекторий. Отношения между людьми утрачивают при этом свой непосредственный характер и начинают опосредоваться их разными ролями на рынках труда и капитала.

Промышленный труд становится в этих условиях не просто доминирующим, но и приобретает качественно новый характер. На смену ремесленному труду приходят сначала мануфактуры, затем фабрики, заводы и целые промышленные империи.

Темпы развития общества резко ускоряются, поскольку главным в производстве становится производство не потребительской, а меновой стоимости, точнее – *прибыли, а богатство начинает превращаться в капитал.*

Отношения города и деревни качественно изменяются – основное производство сосредоточивается в *городах*, в которых, собственно, и формируется система новых общественных отношений, после чего начинается процесс проникновения городских отношений в деревню.

Как видим, Маркс интерпретировал процесс перехода от традиционных к современным типам общества как всеобъемлющий процесс, затрагивающий все сферы жизни общества и человека, и означающий смену «системного основания» жизни общества в целом, а не просто организации в нем производства. Им был сформулирован также ряд признаков как докапиталистического (традиционного), так и капиталистического (современного) типа обществ, отражающих многие их социокультурные характеристики – *инструментализация и десакрализация отношения человека к природе, изменение мотивации труда и отношения человека к своему труду, маркетизация сознания, резкий рост значимости ценности индивидуальной свободы и т.д.*

Почти одновременно с Марксом проблему модерна ставил в «Предварительном замечании» к сборнику своих работ по социо-

логии религии и М. Вебер. В отличие от Маркса, отправной точкой анализа которого выступали экономические реалии, Вебер уделял основное внимание социальной стороне модерна, показывая на примере западного общества, как в результате его развития происходит становление более прозрачного, понятного, доступного для измерения и осмысления миропорядка. *Процесс секуляризации и рационализации общественной мысли*, уходящий корнями в эпоху Ренессанса и достигший своего апогея в рамках капиталистической хозяйственной системы, привел, как подчеркивал Вебер, к формированию культуры, ядром которого была *личность, осознающая свою ответственность за условия, продуктом которых отчасти она является*. Вопрос, который волновал Вебера, состоял в том, чтобы понять, почему вне пространства Европы ни научное, ни художественное, ни государственное, ни хозяйственное развитие не пошло теми путями рационализации, которые характерны были для западных стран [5].

В попытках «определить *своеобразие* западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие» [5, с. 55], Вебер приходит к разделению обществ на два типа – архаические (докапиталистические) и современные (капиталистические). Капитализмом Вебер называл при этом такой способ ведения хозяйства, который основан «на ожидании прибыли посредством использования возможностей *обмена... мирного* (формального) приобретательства» [5, с. 48]. Само понятие «капитализма» у автора является идеальным типом, введенным для описания специфики социетального развития определенного общества в конкретный момент времени. Так, современное ему западноевропейское общество (конец XIX – начало XX вв.) Вебер характеризует именно как капиталистическое, противопоставляя его обществам архаичным, докапиталистическим.

В отличие от Маркса, противопоставлявшего отношение к наживе в рамках докапиталистических и капиталистических обществ, для Вебера «стремление к наживе и предпринимательству»

и, в целом, к наибольшей денежной выгоде, само по себе не является корнем отличия архаичных и современных типов обществ и, более того, ничего общего не имеет с капитализмом. Как пишет автор, это стремление «наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров... чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих...» [5, с. 47]. Капиталистическое же предприятие – это предприятие, которое основано на «рациональной организации *свободного труда*» [5, с. 53]. Таким образом, наряду с рациональностью и свободным характером труда в качестве третьего отличия капиталистического типа производства Вебер указывает на изменение стимулов занятия хозяйственной деятельностью, когда акцент с желаний удовлетворить «естественные» потребности переносится на стремление к саморазвитию.

Это стремление к саморазвитию является, по Веберу, следствием становления *определенного типа религиозного сознания*, обусловленности «хозяйственного мышления», «этоса» капиталистической формы хозяйствования «определенной религиозной направленностью» [5, с. 56]. В основе «капиталистического духа» лежит протестантская концепция спасения, согласно которой, несколько огрубляя, можно сказать, что человек может быть уверен в своей «избранности» перед лицом Бога, только если достигает определенного успеха в хозяйственной жизни. В более широком смысле, согласно учению проповедников Реформации Лютера и Кальвина, спасение достигается путем осознанной веры и воспитания внутри себя индивидуальной ответственности перед Богом. Труд в протестантизме фактически был приравнен к молитве, что нашло выражение в формировании взгляда на профессию как на «призвание» (*Beruf*) и положительного отношения к богатству, полученному честным путем.

К идее о том, что именно протестантизм, создав *новый тип личности (деятельной, ответственной, готовой и стремящейся к труду)*, сыграл ключевую роль в становлении капиталисти-

ческой формы хозяйства в Европе на рубеже XIX и XX столетий, Вебер пришел после анализа данных конфессиональной статистики. В «Протестантской этике...» автор говорит о «преобладании протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий». Пытаясь выявить особые черты «новой» личности, автор приходит к мысли о том, что «протестанты... *как* в качестве господствующего, *так* и в качестве подчиненного слоя населения, *как* в качестве большинства, *так* и в качестве меньшинства проявляли специфическую склонность к экономическому рационализму, которую католики не обнаруживали и не обнаруживают *ни* в том, *ни* в другом положении» [5, с. 61]. Эта идея *экономической рациональности*, включая *рациональное отношение к ресурсам*, получившая наиболее четкое выражение именно в «Протестантской этике...», является центральным пунктом не только в веберовском различении двух типов обществ, но во многом лежит в основе всей его исторической социологии.

Вебер подчеркивал, что «экономический рационализм зависит... от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального *жизненного поведения*» [5, с. 55]. Он выделяет систему социального действия, состоящую из четырех «идеальных типов»: 1) аффективное; 2) традиционное; 3) ценностно-рациональное; 4) целерациональное действие. Для докапиталистических обществ характерно преобладание первых двух типов социального действия (аффективного и традиционного), что обусловлено господством в архаичных обществах коллективных форм мышления и отсутствием осознанного целеполагания. Для капиталистического общества характерны два других типа социального действия (ценностно-рациональное и целерациональное), что связано с преобладанием в поведении осознанных интенций. История развития общества представляется, таким образом, трансформацией господствующих (типичных)

форм жизненного поведения, выражающейся в постепенном «расколдовывании» мира и установлении того или иного вида «практически рационального» социального действия.

Экономическая рациональность, рождаемая из последовательной *секуляризации религиозных форм сознания*, постепенно начинается, как писал Вебер, буквально пронизывать все сферы жизни капиталистического общества. Как следствие, капиталистическое общество имеет рациональную систему права и управления, что выражается в существовании рациональной бюрократии и «рациональных» основаниях власти. Например, Вебер указывает на то обстоятельство, что легитимность господства в современном обществе достигается путем веры людей в «обязательность легального установления (*Satzung*)» [6, с. 646–647]. Согласно автору, эта вера обусловлена *рационально созданными правилами*. Вместе с тем, в докапиталистическом обществе преобладает *принцип обычного права*, а система управления строится на *авторитарном решении*. Механизм формирования последнего нельзя назвать рациональным в силу того, что в архаичных обществах отсутствует возможность осознанного выбора отчасти из-за единственности альтернативы, но во многом из-за нежелания большинства создавать и осознанно отстаивать эти альтернативы.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно перечислить все аспекты проблематики перехода традиционных (архаических) обществ к современным, в разработку которых Вебер внес весомый вклад. Так, например, здесь не говорилось о делении им обществ на традиционные с разделением на патриархальные и сословные и бюрократические, или о типах лидеров, характерных для разных типов обществ, и т.д.

Однако нельзя все же не подчеркнуть – именно он внес огромный вклад в понимание социокультурной составляющей процесса модернизации как если не доминирующей, то, по крайней мере, не менее значимой, нежели все остальные, составляющей этого процесса. Становление нового типа экономических отноше-

ний прямо увязывалось им с *формированием определенного типа ценностей (и личностей – носителей этих ценностей)*, специфика которых и обуславливает характер социетального развития конкретного исторического общества, более того – является его причиной, а не только следствием, как у Маркса. Среди же наиболее характерных черт перехода от архаических к современным обществам Вебер выделил следующие:

- появление нового типа личности – ответственной, рациональной, стремящейся к развитию, ориентированной на труд и достижения;

- доминирование в общественном сознании экономической рациональности как господствующей формы последней;

- преобладание ценностно-рациональных и целерациональных действий вместо характерных для архаических обществ аффективных и традиционных;

- формирование отношения к труду как служению (первоначально – служению богу, впоследствии – общественному служению);

- секуляризация сознания;

- преобладание рационально созданных правил и Закона вместо обычного права и авторитарных решений;

- переход к строго рассчитанной (рациональной) и поэтому механизированной технике как производства, так и обмена;

- изменение экономической основы общества, связанной со стремлением получения прибыли в процессе обмена;

- появление свободного труда, т.е. таких людей, которые не только имеют право свободно продавать на рынке свою рабочую силу, но и экономически принуждены к этому, и вольного рынка (свобода рынка от нерациональных стеснений обмена).

Переход к коммерческой организации хозяйства, под которой Вебер подразумевал широкое применение ценных бумаг для установления прав участия в предприятиях и прав на имущество, возможность ориентации на рыночный спрос и доходность предприятия [7, с. 254–257].

Как видим, в характеристиках современного типа обществ, противопоставляемых обществам традиционного типа (докапиталистическим, архаическим, патриархальным, доиндустриальным и т.д.), выделявшихся Марксом и Вебером, много общего, и это не может затушевывать даже разница использовавшейся ими терминологии. Причем и того, и другого интересовал вопрос, за счет чего и как именно происходил переход от докапиталистических обществ к обществам современного типа. Для классической традиции вообще характерно воспринимать идею модернизации как синоним перехода к «современности»¹ или, пользуясь определением П. Штомпки, как *процесс превращения традиционного, или дотехнологического, общества в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры* [2, с. 170].

В этом смысле в числе авторов классических социологических работ, внесших серьезный вклад в разработку и теоретическое становление концепции модернизации, следует назвать также О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса и других виднейших теоретиков социологической и философской мысли. Эти и другие ученые, в зависимости от сферы своих интересов, уделяли внимание тем или иным аспектам процесса модернизации, сложность и разнообразие которых в их работах свидетельствуют о глубине и масштабности самой этой проблематики.

У О. Конта, для которого процесс развития общества осуществлялся как «прогресс духа», т.е. идей и мнений, которые «переворачивают мир» и на которых «покоится в конце концов... весь социальный механизм...» [9, с. 19], модернизация выступает как *переход от теологической и метафизической к научной стадии развития человеческого разума*, которая в Европе совпала с эпо-

¹ Противостояние «традиции» и «современности» (*tradition & modernity*) было сформулировано в 1861 г. Генри Майном [8].

хой индустриального развития общества. Учитывая ряд особенностей его учения о трех формах человеческого разума – известный закон трех стадий – можно сказать, что он предложил стадии изменения социетального порядка, поскольку каждый этап развития человеческого разума характеризуется *соответствующими формами развития всех подсистем общества*, а также специфическим, свойственным только для данной стадии прогресса, *набором институтов и культурных образцов*.

С другой стороны к проблематике модернизации при описании трансформации западного общества подошел Г. Спенсер. При рассмотрении процессов развития человеческого социума он придерживался позиции экономического детерминизма¹, полагая, что общество постепенно проходит через определенные стадии развития – переживает последовательность формаций. Общество сравнивалось им с человеческим организмом. При этом предполагалось, что оно подчиняется тем же законам, а именно: в обществе, так же как и в организме, происходит непрерывный рост и усложнение внутреннего строения. Спенсер, будучи увлечен эволюционизмом как универсальной идеей, считал, что прогресс осуществляется как переход от однородности к разнородности, которая и достигается по мере развития и роста. В его теории общество эволюционирует от военного к *промышленному*; при этом происходит более сильная *специализация отдельных частей* (систем органов²) общества. Соответственно, промышленное общество виделось ему более «совершенным», поскольку в нем, в отличие от военного, реализована практика охраны *прав человека и идео-*

¹ Хотя в области политики Спенсер был противником любого государственного вмешательства в жизнь личности и с этой точки зрения выступал против социализма [10].

² Спенсер выделял три системы органов (социальных институтов):

- поддерживающую систему (производство);
- распределительную систему (коммуникация);
- регулятивную систему (управление).

логического плюрализма. Он говорил об усложнении социальной структуры и хозяйственной системы, протекающих одновременно с формированием и усвоением новых культурных типов и плюрализацией поведенческих образцов. По мере протекания «надорганической эволюции» происходит слом институциональной структуры, зиждущийся на усвоении и воспроизводстве априори заданных отношений. При этом актуализируется противопоставление культуры (по большей части, локальной) и цивилизации.

Данная идея нашла логическое завершение в работах Ф. Тённиса [11]. Автор, внесший в разработку именно социокультурного аспекта модернизации огромный вклад, рисует дихотомию между «традиционным» и «современным» в рамках разделения двух принципиальных концептов: *общинного* и *общественного*. Общинное (*Gemeinschaft*) предусматривает четкое отделение «своих» от «чужих». В общине все хотят одного, поскольку главное – это *гомогенность интересов и подчинение своих интересов общим*.

Общественное (*Gesellschaft*) предусматривает такую структуру человеческих взаимодействий, при которой связи между людьми строятся на основе *рациональных отношений*. В обществе *интересы разные*, более того, они зачастую оказываются противоположными.

Соотношения между различными элементами «общинного» и «общественного» у Тённиса можно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Движение от культуры к цивилизации (от «общинного» к «общественному») осуществляется, по Тённису, посредством разрыва традиционных и родовых связей в ходе становления капиталистической формации с ее *плюрализмом жизненных стилей и свободным предпринимательским, инициативным и инновационным духом*. Все это ведет к разложению традиционной, ограниченной отсутствием альтернатив выбора, культуры.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ «ОБЩИННОГО»
И «ОБЩЕСТВЕННОГО» ПО Ф. ТЁННИСУ

	<i>Общинный</i> (Gemeinschaft)	<i>Общественный</i> (Gesellschaft)
<i>Тип деятельности (воля)</i>	Инстинктивная, эмоционально непосредственная	Рассудочная, рациональная
<i>Эпоха</i>	Доиндустриальная	Индустриальная
<i>Гарантия стабильности</i>	Традиции	Договор, законодательство
<i>Экономическая единица</i>	Семья	Корпорация
<i>Тип городского поселения</i>	Town	City
<i>Сфера сакрализации</i>	Церковь	Закон
<i>Сфера вдохновения</i>	Искусство → чувство	Искусство → наука

Сходные идеи содержатся и в работах Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда...» [12] и «Метод социологии» [13]. Центральная проблема в его творчестве – это проблема социальной солидарности. Согласно Дюркгейму, солидарность базируется на разделении труда. Ученый выделял два исторических типа солидарности индивидов в обществе: *механическую* и *органическую*. Механическая солидарность преобладает в коллективе, отношения в котором предполагают *естественные связи, построенные по сходным признакам*. Большинство людей в общности с механической солидарностью выполняют *сходные наборы функций* – в обществах такого типа действует *принцип функциональной универсальности и гомогенности интересов*. Такой тип солидарности наблюдается в традиционных (архаических) обществах.

Органическая солидарность связана с диверсификацией средств производства и с разделением общественного труда. В обществах с органической солидарностью преобладает *принцип функциональной дополняемости: позиция человека определяется тем, какие функции ему приходится выполнять*. Органическая солидарность характерна для обществ типа «*Gesellschaft*», в которых *связи между людьми строятся по принципу взаимного интереса*. Органическая солидарность предполагает от индивида *максимального осмысления собственного действия* (в том числе по осуществлению хозяйственной деятельности) и *осознанного выбора*, основанного на этой рефлексии. Примером социальной среды с таким типом солидарности для Дюркгейма служило современное ему западное общество.

В этой связи надо сказать, что классическое осмысление виднейшими теоретиками социологической мысли проекта *Moderne* сводится именно к *анализу природы современного им состояния западных обществ, которое они пытались глубже понять, противопоставляя его предшествующей фазе развития этих обществ*, и в этом отношении это, безусловно, были яркие и очень результативные примеры применения к анализу западноевропейс-

ких стран конца XIX – начала XX вв. диалектического метода. При этом уже у классиков социологической мысли процесс модернизации был сопряжен (сводясь для некоторых из них даже преимущественно к этому аспекту) с культурными и социокультурными изменениями – как на микроуровне, так и на уровне соответствующих социальных институтов. Черты же, которые они выделяли как сущностно значимые в современных им обществах и которые они противопоставляли тем или иным чертам обществ традиционного типа, при всех их пересечениях скорее дополняли, чем повторяли друг друга. В результате этой огромной работы и сформировалась *концепция модернизации как системного перехода от обществ традиционного типа к современному типу обществ*.

Суммировав идеи различных теоретиков первого этапа развития концепции модернизации о сути этого перехода, получаем следующую картину (см. табл. 2¹), в основе которой лежит оппозиция признаков традиционных и современных обществ.

Предложенная классификация не претендует на полноту и содержит в себе значительные огрубления. Тем не менее, даже на основе этой картины признаков традиционных и современных обществ, представленных в работах классиков социологической мысли, можно вести разработку эмпирических индикаторов степени модернизованности общества (его экономики, культуры, права и т.д.), а также сознания и поведения людей. Последнее особенно важно, так как позволяет замерить степень модернизованности сознания и поведения людей в конкретном обществе на микроуровне и проверить эвристические возможности самой теории модернизации не только как метатеории, но и как инструмента прикладного анализа.

¹ В таблице излагаются основные признаки двух типов обществ, о которых шла речь выше в контексте анализа работ различных теоретиков прошлого, более современным языком. Это обуславливалось как необходимостью преодолеть проблему различий в их терминологии, когда, фактически, они говорили об одном и том же явлении, но используя разные системы понятий, так и необходимостью сделать более понятными, близкими читателю те особенности традиционных и современных обществ, о которых шла речь в их работах.

СООТНОШЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ В РАБОТАХ КЛАССИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Традиционные общества	Современные общества
Воспроизводство сложившейся системы общественных отношений и типа личности в неизменной форме	Прогресс ради неких внешних целей, характер которых может меняться, и появление типа личности, ориентированной на саморазвитие, свободу и достижения
Экономика играет подчиненную роль, главное – политические, социальные и т.п. стороны жизни общества	Экономика и интересы ее развития начинают играть ведущую роль, главным становится производство прибыли и экономическая эффективность (рациональность) деятельности
Человек – часть природы, а природа – главное условие его жизни, и в качестве таковой – сакральна	Природа – инструмент для деятельности человека, десакрализация и коммерциализация природы
Основа производства – природа, земельная собственность как доминирующая форма собственности	Основа производства – капитал в различных его формах, предполагающих формирование соответствующих рынков
Основное производство сосредоточено в сельской местности, развитие первичного сектора экономики	Основное производство сосредоточено в городах, наступление индустриальной эпохи и рост роли технологий
Доминирование общественной собственности	Доминирование частной собственности
Труд как опредмечивание человеком собственной сущности (как самореализация)	Труд как средство заработка, отчуждение человеком в труде собственной сущности и формирование новой мотивации к труду (как внутреннему долгу и легитимной основе успеха в обществе)

Продолжение табл. 2

Традиционные общества	Современные общества
Гомогенность интересов внутри общины	Плюрализация интересов индивидов и социальных групп и идеологических систем
Аскриптивность большинства социальных статусов и жесткая связь жизненных траекторий с исходным социальным статусом	Рост роли приобретаемых статусов, плюрализация возможных жизненных траекторий и утрата ими жесткой связи с аскриптивными статусами
Господство непосредственно эмоциональных отношений	Отношения между людьми приобретают функционально-ролевой характер
Насилие как форма производственной деятельности, доходящая до милитаристической организации общества	Переход к системе договорных отношений с развитием систем и правил обмена, замена «военного» общества «промышленным»
Преобладание аффективного и традиционного типов действия с соответствующей системой культурных норм	Преобладание рассудочных, ценностно-рациональных и целерациональных действий с соответствующей системой культурных норм
Коллективная ответственность общины, индивидуальный фатализм	Личная ответственность индивида, предполагающая развитие индивидуализма и чувства персональной ответственности, в том числе – за свою судьбу
Доминирование традиций, принципа обычного права и авторитарной системы управления как основы стабильности общества	Рационально разработанное, «писаное» право и система институтов его реализации, включая рост бюрократии, как основные механизмы социального контроля
Патриархальная (сословная и т.п.) система организации общества	Классовая система организации общества

Традиционные общества	Современные общества
Доминирование религиозного сознания, «метафизическое развитие разума»	Секуляризация общественного сознания, рост роли научного знания
Приоритет интересов общности	Приоритет интересов личности и формирование понятия прав человека
Деление мира на «своих» и «чужих»	Дифференциация выносимых оценок и строящихся на них отношений в соответствии с критериями рациональности и собственных интересов
«Механический» тип солидарности и функциональная универсальность человека	«Органический» тип солидарности и функциональная дополняемость
Отсутствие альтернатив выбора	Резкий рост степеней свободы

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
2. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
3. *Латин Н.И.* Общая социология. М.: Высшая школа, 2006.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. М., 1968. Т. 46. Ч. 1.
5. *Вебер М.* Протестантская этика и «дух капитализма» // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
7. *Вебер М.* История хозяйства: Город. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001.
8. *Maine H.* Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. London, 1861.
9. *Конт О.* Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 1.
10. *Спенсер Г.* Автобиография. СПб.: Просвещение, 1914.
11. *Tönnies F.* Gemeinschaft und Gessellschaft. Leipzig, 1887.
12. *Дюркгейм Э.* Метод социологии. М.: Наука, 1991.
13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991.